

*Моей супруге Энн —
без ее молчания не была бы
создана эта книга*

Глава 1

«Заказчик будет очень недоволен», — хмуро подумал мистер Чилден, отворяя дверь магазина «Американские художественные ремесла».

Он всю неделю дожидался ценной посылки из Скалистогорских Штатов, и вот уже утро пятницы, а на полу под почтовой щелью одни только письма.

Бросив пятицентовик в настенный автомат и получив стаканчик быстрорастворимого чая, он взялся за метлу. Вскоре торговый зал магазина был готов к открытию: везде безукоризненная чистота, кассовый аппарат набит сдачей, в вазе свежие бархатцы, из репродуктора льется тихая музыка. Снаружи по тротуарам Монтгомери-стрит спешили в свои офисы бизнесмены. Далеко в небе проплывал вагончик канатной дороги; Чилден проводил его ласковым взглядом, полюбовался и женщинами в длинных пестрых платьях из шелка. И тут зазвонил телефон.

Владелец магазина прошел в глубь зала, взял трубку:

— Слушаю вас.

В ответ прозвучал знакомый голос. Чилден совсем упал духом.

— Это господин Тагоми. Насчет вербовочного плаката времен Гражданской войны. Вы еще на той неделе обещали, помните? Он прибыл наконец?

Нервная, резковатая речь. Вежливость на грани срыва.

— Мистер Чилден, в чем проблема? Вы просили задаток — я оставил. Объяснял же: эта вещь предназначена в подарок важному клиенту.

— Господин Тагоми, — начал Чилден, — я несколько раз направлял на почту запрос, причем за свой счет, но вещь заказана в другом регионе, поэтому...

— Выходит, она еще не доставлена? — перебил Тагоми.

— Нет, господин Тагоми.

Наступила ледяная пауза.

— Больше я ждать не могу, — проговорил наконец Тагоми.

— Да, сэр. — Чилден уныло рассматривал через витрину залитые теплым солнцем офисные здания Сан-Франциско.

— Давайте подумаем о замене. Что посоветуете, мистер Чилден?

Тагоми, не выходя за рамки формальной вежливости, произнес фамилию чуть искаженно, и у собеседника запылали уши¹.

Вот она, горькая доля побежденных. Страхи, страдания, разбитые мечты, утраченные надежды — все взбаламучено одним-единственным обидным словом, все устремляется кверху со дна души, затопляя разум, не позволяя связно отвечать.

Роберт Чилден молчал, потела сжимавшая трубку ладонь. В торговом зале пахло бархатцами, играла музыка, но он себе казался моряком, упавшим за борт посреди чужого моря.

— Посоветую... — все же преодолел он ступор, — маслобойку. Еще есть мороженица, примерно тысяча девятисотый год...

Разум отказывался соображать. Вот как это случается, неожиданно-негаданно. А ты уже было поверил, что все стерто в памяти. А ты уже было ухитрился себя оболванить. Как бы не так. Тебе тридцать восемь, и ты способен припомнить довоенные деньки. Франклина Делано Рузвельта, Всемирную ярмарку — дивный старый мир.

¹ Childan (Чилден) — созвучно children, то есть «дети». Можно предположить, что Тагоми добавил в фамилию собеседника мягкий, едва заметный звук «р». (Здесь и далее — прим. перев.)

— Если желаете, я кое-что доставлю к вам на работу для демонстрации, — пробормотал он.

Договорились встретиться в два часа.

«Придется закрывать магазин», — сообразил Чилден, положив трубку.

А что поделаешь? С такими клиентами, как господин Тагоми, портить отношения нельзя — от них зависит бизнес.

Стоя у прилавка и дожидаясь, когда уляжется дрожь в теле, он запоздало обратил внимание на вошедшую в магазин парочку. Молодой человек и девушка, красивые, хорошо одетые. Просто идеальные. Он успокоился полностью и с профессиональной улыбкой на лице легкой походкой направился к посетителям.

Склонившись над прилавком, они рассматривали через стекло изящную пепельницу.

«Женаты, — предположил Чилден. — Живут небось в какой-нибудь роскошной новостройке вроде Города клубящихся туманов, у бульвара Скайлайн, с видом на Белмонт».

— Здравствуйте.

Чилдену уже совсем полегчало. В улыбках посетителей не было и намека на превосходство, только доброта. Его товары — а лучшей подборки не найдешь на всем побережье — привели парочку в восхищение. Чилден был польщен сходством вкусов, и это не осталось незамеченным.

— Превосходные вещи, сэр, — сказал молодой человек.

Неожиданно для самого себя Чилден поклонился.

Глаза этих людей излучали не только тепло связующей их любви, но и благоговение перед выставленными на продажу изделиями. На Чилдена смотрели с благодарностью — ведь это он позаботился о том, чтобы в «Американских художественных ремеслах» каждый мог полюбоваться предметами искусства, поддержать их в руках, даже если не собираешься покупать.

«Да, — подумалось ему, — эти ребята понимают, где находятся. Тут им не навяжут какое-нибудь барахло для туристов вроде дощечки мамонтового дерева с надписью

«Муир-Вуд, округ Марин, ТША»¹, смешного дорожного знака, девичьего колечка или открытки с мостом Золотые Ворота. У нее глаза необычные, — отметил он. — Большие, черные. С какой легкостью я бы мог влюбиться в такую женщину. И какой трагедией обернулась бы моя жизнь, и без того несладкая».

Он замечал все: уложенные в стильную прическу черные волосы, лак на ногтях, проколы в ушах для серег ручной работы.

— Сережки, — пробормотал он. — Вы здесь покупали?

— Нет, — ответила девушка. — Дома.

Чилден кивнул. Да, в таком магазине, как у него, современным вещам не место. «Художественные ремесла» торгуют только антиквариатом.

— Надолго вы к нам в Сан-Франциско? — поинтересовался он.

— Бессрочно, — сказал мужчина. — Пока мои услуги нужны Комитету планирования уровня жизни на пострадавших территориях.

Увидев гордость на его лице, Чилден решил: нет, не военный. Ничего общего с мобилизованными деревенскими грубиянами, которые слоняются по Маркет-стрит, жуют жвачку, смотрят непристойные шоу и порнофильмы, стреляют в тирах, проводят ночи в дешевых клубах, где на стенах висят фотографии перезревших томных блондинок, что держатся, кривляясь, за соски дряблыми пальцами... Почти вся равнинная часть Сан-Франциско в таких вот притонах попеременно с лачугами из консервной жести и гнилых досок — и эти трущобы появились еще до того, как упала первая бомба.

Нет, этот молодой человек явно из элиты. Культурный, образованный. Пожалуй, даже господин Тагоми в сравнении с ним простоват, а ведь он высший чиновник могущественной Торговой миссии на Тихоокеанском побережье. Впрочем, Тагоми стар, его мировоззрение сформировалось еще в годы Военного кабинета.

¹ Муир-Вуд — в нашем мире заповедник, секвойный лес в штате Калифорния.)

— Подыскиваете что-нибудь для подарка? — спросил Чилден. — Американское традиционное этническое искусство подойдет как нельзя лучше. Или хотите украсить новое жилище? В этом случае... — У него сильнее забились сердце.

— В самую точку, — кивнула девушка. — Надо подобрать обстановку для квартиры, но, в каком стиле, мы еще не придумали. Может, посоветуете что-нибудь?

— Конечно, ведь это моя работа, — ответил Чилден. — Готов осмотреть ваши апартаменты. Заодно мог бы прихватить несколько сакvojей с раритетами, чтобы вы сами на досуге выбрали подходящие.

Он опустил глаза, пряча азарт. Дельце сулило прибыль в тысячи долларов.

— Как насчет новоанглийского стола¹, клен, ни единого гвоздя, только деревянные шипы? Исключительно элегантный и в превосходном состоянии. Есть зеркало эпохи Наполеоновских войн. Может быть, интересуется искусство аборигенов? Могу предложить коллекцию ковриков: козья шерсть, растительные краски.

— Я предпочитаю городское искусство, — заявил мужчина.

— Вот и прекрасно, — с энтузиазмом подхватил Чилден. — Что, если я предложу настенное украшение периода АОР — почтовое панно, дерево, четыре секции² с портретом Горация Грили?³ Просто мечта коллекционера!

¹ Новоанглийский мебельный стиль — одно из направлений американского кантри-стиля. Для него характерны упрощенный дизайн и интенсивные тона цветовой палитры.

² Администрация общественных работ — один из инструментов государственного управления экономикой в рамках рузвельтовского «Нового курса» — программы выхода из Великой депрессии. АОР действовала с 1935 по 1943 г. и занималась главным образом крупным строительством. Почтовые здания, украшенные фресками и панно со сценами из истории США, пейзажами и портретами государственных деятелей, — памятники той эпохи.

³ Гор а ц и й Г р и л и (1811—1872) — знаменитый американский издатель, журналист и политик, основатель газеты «Нью-Йорк дейли трибьюн».

— О! — сверкнули темные глаза посетителя.

— Витрола¹ девятьсот двадцатого года, с тумбой, перделанной в мини-бар.

— О!

— А еще, сэр, фотография Джин Харлоу², в рамке и с автографом.

Молодой человек слушал как зачарованный.

— Договариваемся о встрече? — поймал Чилден верный психологический момент. Из внутреннего кармана пиджака он достал авторучку и блокнот. — Сэр и леди, позвольте ваши имена и адрес.

Чилден попрощался с супружеской четой и постоял в дверях, сцепив кисти за спиной и глядя на улицу. Его наполняла радость. Эх, почаще бы выдавались подобные удачные деньки! Ведь для него торговля антиквариатом — не просто бизнес. Это еще и вот такие встречи с молодыми японцами, и разговоры практически на равных, когда ты для них полноценный человек, а не жалкий янки или в лучшем случае продавец туземных поделок. Да, эти молодые люди, новое, не помнящее довоенного времени и даже самой войны поколение — надежда нашего мира. Кто откуда родом, для них значения не имеет.

«Рано или поздно этому придет конец, — подумал он. — Исчезнет разница между странами. Исчезнут национальности, не будет пропасти между управляемыми и управляющими, останутся только люди».

И все же он дрожал от страха, представляя, как постучится в дверь к молодой чете. Заглянул в блокнот: Касоура. Раз пригласили к себе, значит, предложат чаю. А ведь это целый ритуал. Каждый его момент требует особых действий, особых слов — удастся ли все это вспомнить? Удастся ли не опозорить себя ошибочным поступком, не показаться грубой скотиной?

¹ Витрола — стационарный граммофон, выпускавшийся в первой половине XX в. американской фирмой «Виктор Орсье». Громоздкие тумбы виетролы были вытеснены из обихода компактными патефонами.

² Джин Харлоу (1911—1937) — американская кинозвезда и секс-символ 30-х годов.

Девушку зовут Бетти. Какое у нее умное лицо. И взгляд — такой нежный, сочувственный. В магазине она пробыла всего-то ничего, но и этого времени, конечно, ей хватило, чтобы прочитать на лице Чилдена его мечты и разочарования.

Мечты... Ему вдруг стало нехорошо. Какие тут могут быть мечты, он же не безумец и не самоубийца. Ну, допустим, известны случаи, когда японцы вступали в связь с янки... но чаще всего это японцы-мужчины и янки-женщины. Здесь же... Он содрогнулся от одной этой мысли.

К тому же она замужем.

Чилден выбросил из головы навязчивые фантазии и приступил к разборке утренней почты.

Но руки по-прежнему тряслись.

Он вспомнил о назначенной на два часа встрече с господином Тагоми, и дрожь наконец унялась, нервозность сменилась решимостью.

«Подберу для него подходящую штуковину», — сказал себе Чилден.

Где? Как? Что? Телефон, связи, деловые способности. Что-нибудь обязательно найдется. К примеру, полностью отреставрированный «Форд» двадцать девятого года, матерчатая крыша, цвет черный. Клиент будет покорен навеки. Или как насчет самолета, настоящего почтового трехмоторника, обнаруженного в сарае алабамского фермера, идеальная сохранность? Не желаете ли приобрести мумифицированную голову мистера Б. Билла с вьющимися седыми волосами¹, сенсационный американский артефакт? Сэр, у меня отличная репутация в высших кругах знатоков искусства, и не только на Родных островах.

Чтобы поднять настроение, он закурил сигарету с марихуаной отличной марки «Страна улыбок».

В комнате на Хэйс-стрит лежал в постели и думал, как бы подняться, Фрэнк Фринк. Сброшенную вчера на пол одежду освещало проникающее сквозь жалюзи солнце, рядом поблескивали очки — не раздавить бы ненароком.

¹ Буффало Билл — псевдоним Уильяма Коди (1846—1917), знаменитого охотника на бизонов и создателя шоу «Дикий Запад».

«Надо найти другой маршрут до ванной, — подумал он. — Может, ползком? Или перекатом?»

Болела голова, но зато не было печали.

«Уходя уходи, — сказал он себе. — И не оглядывайся».

Сколько времени? Часы на туалетном столике. Ну и ну! Полдвенадцатого!

Вот и уволили меня, размышлял Фрэнк, не вставая.

Конечно, вчера на фабрике он был не прав. Зря выложил мистеру Уиндему-Мэтсону все, что о нем думает. Мистер Уиндем-Мэтсон — обладатель впалого лица с сократовским носом, кольца с бриллиантом, золотой застежки-молнии. Другими словами, обладатель власти. Трона. У Фрэнка разбредались, путались мысли.

«Вдобавок меня еще и в черный список внесут, — подумал он. — Проку теперь от моих навыков, без работы-то? Пятнадцать лет стажа насмарку».

Придется идти в Комиссию по правам трудящихся, на переаттестацию. Фрэнку не доводилось слышать о дружбе между Уиндемом-Мэтсоном и буратинами, марионеточным правительством в Сакраменто, и уж тем более он не мог представить, чтобы влияние его бывшего босса распространялось на истинных хозяев страны, японцев. В КПП сидят буратины. Он предстанет перед четырьмя-пятью мерзавцами средних лет и, глядя на упитанные рожи, пожалуется на Уиндема-Мэтсона. Если не добьется справедливости, то доберется до одной из Импортно-экспортных торговых миссий. Они подчиняются непосредственно Токио, филиалы разбросаны по Калифорнии, Орегону, Вашингтону и той части Невады, что досталась Тихоокеанским Штатам Америки. Но уж коли и там откажут...

Он лежал и разглядывал старую люстру, а в голове роились планы. Можно, к примеру, перебраться в Скалистогорские Штаты. Но тамошние власти повязаны с ТША и запросто могут выдать его. Как насчет Юга? От этой мысли он аж съезжился. Брр!.. Только не это. Белому человеку там есть где развернуться, даже Тихоокеанские Штаты по этой части проигрывают, но... его в те края нисколь-

ко не тянуло. Поскольку Юг был покрыт густой паутиной связей — экономических, идеологических и еще бог знает каких, и ниточки тянулись в рейх. А Фрэнк Фринк был евреем.

На самом деле имя его было Фрэнк Финк. Родился на Восточном побережье, в Нью-Йорке. В 1941 году, сразу после падения России, был призван в армию США. Когда японцы захватили Гавайи, его послали на Западное побережье. Кончилась война, и он остался на отошедшей к японцам территории. Тут и прожил пятнадцать лет.

В 1947 году, в День капитуляции, он был вне себя от ярости. Мечтал отомстить ненавистным джапам¹ и даже зарыл в подвале, на глубине десять футов, свою винтовку. Тщательно смазанная и обернутая, так и ждет она часа, когда Фрэнк и его друзья поднимут восстание.

Все же время — знатный лекарь, раньше Фрэнк этого не учитывал. Сейчас, стоило подумать о мятеже, о великой кровавой бане, об истреблении буратин и их хозяев, ему казалось, будто он листает школьный альбом-ежегодник: вот юный Финк по прозвищу Карась мечтает выучиться на палеонтолога, а вот решает жениться на Норме Праут. Норма была *schönes Mädchen*², первая красавица в классе, и он действительно клялся взять ее замуж. Все быльем поросло: любовь к однокласснице, Фред Аллен³ по радио, фильмы У.К. Филдса...⁴ Сколько японцев он встретил после сорок седьмого, тысяч шесть, наверное, — и почему-то жажда насилия себя никак не проявляла. Разве что в самые первые месяцы. Просто это чувство внезапно сделалось неуместным.

Хотя... Был один, господин Омуро. Скупил большую часть коммерческой недвижимости в деловой части

¹ Джапами американцы презрительно называют японцев.

² Красивая девушка (*нем.*).

³ Фред Аллен (настоящее имя Джон Флоренс Салливан; 1894—1956) — знаменитый американский комик, один из самых популярных юмористов в так называемую классическую эру американского радио.

⁴ У.К. Филдс (настоящее имя Уильям Клод Дьюкенфилд; 1880—1946) — американский сценарист и киноактер.